

Сюй Сяочжэнь почти не сомкнул глаз за всю ночь. Впрочем, он давно к этому привык: если просыпаешься ежедневно в три утра, полноценный сон становится редкостью.

Иногда он вспоминал себя семнадцатилетним — мог спать до полудня, хоть гром греми, не проснёшься. Будто это было в другой жизни, от которой остались лишь обрывки.

Сквозь беспокойный сон мелькали расплывчатые образы — то лицо Чжоу Яня, то младенец в красном, неясный, безликий. Очнувшись на жёстком полу, он долго смотрел в потолок. Пол, вопреки ожиданию, оказался не холодным, а почти душным — странно тёплым, как перегретая пластмасса.

Он мысленно перебрал несколько тем из учебной программы, потом попытался снова задремать. Но сон ускользал: то накатит, то отступит. В конце концов, он взглянул на часы — начался новый месяц.

1 декабря.

Дни, проведённые с Чжоу Янем, были такими насыщенными, что он совершенно перестал замечать ход времени.

4 декабря — день смерти Сюй Люя.

Красная нить на запястье будто жгла кожу. Он машинально коснулся её — и впрямь, казалась тёплой, почти горячей.

О сне не могло быть и речи. Он поднялся и направился на кухню — нужно было чем-то заполнить утреннюю тишину.

Именно поэтому, когда Гу Янь проснулся, его встретил накрытый стол, едва не прогибающийся под тяжестью еды.

Он с лениво-удовлетворённым видом облокотился о край и оглядел утренний пир. Всё — до последней мелочи — соответствовало его вкусу. Наверняка Сюй Сяочжэнь встал ещё раньше, в два часа, чтобы всё успеть и при этом не опоздать в школу.

Гу Янь сделал пару снимков, добавил вчерашнюю табличку с плачущей собачкой и выложил в личную ленту. Подпись гласила:

«Проснулся в два — приготовил завтрак. А говорите: плохо извиняется».

Не прошло и нескольких минут, как комментарии посыпались один за другим:

□Ого! В два вставать, чтобы готовить? Тебе просто невероятно повезло!□

□Боже, как аппетитно всё выглядит! Младший — настоящее золото. Можно я тоже зайду поесть?□

□Это всё потому что Гу-ге умеет воспитывать. Такого выдрессировал — ни один не сбежит. Вот бы мне так.□

□Завидую +1□

□...□

Гу Янь с удовольствием перечитывал отклики. Всё, чего он хотел, — он получил.

Он отложил телефон и растянулся, довольный.

Не притронувшись ни к одному блюду, он собрал всё и выбросил в мусорное ведро. Пусть Сюй Сяочжэнь вечером сам увидит. Поймёт. Почувствует, каково это — быть в заложниках у чужой прихоти.

А сам ушёл в арсенал.

Сюй Сяочжэнь вёл себя как обычно: поехал на занятия, провёл день в библиотеке.

Вчерашний урок он усвоил — и теперь, не теряя времени, сразу после учёбы поспешил домой.

Увидев на столе пустые тарелки, облегчённо выдохнул. Значит, Гу Янь всё же поел.

Наверное, обида прошла. Наверное, всё не так страшно.

Он потер виски — ныли от недосыпа. Спал всего пару часов, в голове стоял звон, глаза резало. Подошёл к столу, собрал посуду — медленно, будто в вязкой воде. Повернулся, чтобы отнести её на кухню...

...и замер, заметив мусорное ведро.

Оно было полным. Внутри — весь завтрак.

Он наклонился, заглянул — всё было там. Нетронутое. Те же блюда, аккуратно разложенные. На яичнице — та самая улыбка, нарисованная кетчупом, только теперь расплывшаяся в уродливую гримасу: словно клоун, забытый в темноте, смеётся в лицо.

«Зачем ты старался?»

Он невольно представил: как Гу Янь берёт тарелки, молча выбрасывает. Какое у него было лицо? Брезгливость? Отвращение? Или, может, полное равнодушие?

Сюй Сяочжэнь опустился на пол рядом с мусоркой, обнял колени. Ни слёз, ни истерики. Ни злости даже. Только глухая тишина внутри. Он раз за разом прокручивал в голове сцену, которой не видел. Как тот берёт завтрак — и выбрасывает, будто это ничего не значит.

Будто он ничего не значит.

— Всё неправильно. Всё не так, — прошептал он.

Снова и снова он возвращался к этой сцене, пока, наконец, не «увидел» на лице Гу Яня выражение, которое хотел запомнить: насмешка. Презрение. Будто тот ждал, когда всё рассыплется.

Вот оно. Так будет легче. Так — справедливо. Так он хотя бы может злиться в ответ.

Это лицо — теперь он знал его наизусть.

Он всегда знал, что Гу Янь — человек с тяжёлым характером. Резкий. Закрытый. Чужая боль для него — что фон, не более.

Но Сюй Сяочжэнь верил, что между ними — любовь.

А если любишь... разве можно так хладнокровно ранить?

Если бы на его месте был он сам, максимум, что он бы сделал — оставил бы еду на столе нетронутой. Молча, без сцены.

Гу Янь был другим. И это причиняло Сюю боль. Боль — как от предательства, как от пустоты, что осталась вместо веры.

Он ведь не считал, что был неправ в том, что случилось вчера. Но он любил Гу Яня — и потому готов был терпеть.

В их ссорах он редко чувствовал свою вину. Но в любви, в жизни, кто-то должен первым склонить голову. Упрямство Гу Яня не позволяло ему сделать этого — значит, оставался только он.

Раз уж любит — раз решил прощать — жаловаться уже не на что.

Он шумно втянул носом воздух, быстро подбадривая себя. Гу Янь — это Чжоу Янь. Он снова с ним. Уже за одно это можно быть благодарным. Пока Чжоу Янь жив, чего ещё желать?

Иногда, даже во сне, он мечтал о том, как Чжоу Янь снова на него кричит. Такой — резкий, вспыльчивый — он был живым. Как будто не умирал.

Теперешняя жизнь — это то, о чём он мечтал все те пять лет. День и ночь.

Он опустил голову, взял еду, которая ещё оставалась съедобной, и начал торопливо есть.

Он не привык выбрасывать пищу. Урна в доме всегда была чистой — он мыл её каждый день.

Еда, простоявшая на воздухе целый день, уже покрылась холодом. Вкус — неприятный. Его даже подташнивало. Но он всё равно быстро проглатывал.

Будто только так — с этим насильственным глотком — можно было проглотить и боль, которая подступала в груди.

Может, всё потому, что скоро день поминовения Сюй Люй, и ссора случилась именно сейчас. Сюй Сяочжэнь чувствовал себя вымотанным, опустошённым.

Но даже в этом он не мог быть жестоким — не мог переложить свою утрату на плечи Гу Яня. Эта боль — не та, которую можно разделить. Она не станет меньше. Только разрастётся, поглотит и его, и Гу Яня.

Когда боль одного превращается в боль на двоих — становится невыносимо.

Сюй Сяочжэнь любил его. И потому не мог сделать больно. Не мог даже рассказать ему, что на самом деле произошло за эти пять лет. Ни слова о железах, ни о подменённых результатах. Он говорил лишь одно — кто-то добрый помог ему, и он смог поступить в Имперский университет.

Он придумывал новые блюда каждый день. Менял таблички на двери — то с котёнком, то с щенком — с мольбами о прощении.

Гу Янь принимал всё. Иногда с иронией, иногда с колкостью. Сюй Сяочжэнь не злился. Он

всегда его уговаривал, успокаивал, был ласков.

Прошло три дня, а толку — ноль. Хотя Сюй Сяочжэнь знал: есть один способ. Проверенный, безотказный.

Стоило ему самому раздеться, поцеловать, отдаться — полностью, без условий — Гу Янь становился другим. Удовлетворённый мужчина куда сговорчивее. Его злость проходила быстро.

Но сейчас он не мог. Было слишком больно.

Юань Нанань, которому редко удавалось дозвониться через зоны, наконец, набрал его:

— Если не можешь спать, прими снотворное. Опять кошмары? Не загоняйся.

Сюй Сяочжэнь прижал трубку плечом, переворачивая стейк в сковороде. Глаза — спокойные, голос — нарочито весёлый:

— Да всё отлично. Я же говорил — мы с Чжоу Янем теперь вместе. Всё хорошо. Он мне даже дом подарил — большой. Денег дал столько, сколько я в жизни не видел. Я просыпаюсь и думаю — как бы потратить. А деньги, будто, не кончаются... Ребёнка? Да пусть будет ещё один...

Юань Нанань резко перебил:

— Я вообще не спрашивал про ребёнка. Если бы тебе было всё равно — не стал бы сам говорить. Перестань делать вид. За эти пять лет ты хоть раз говорил со мной в таком тоне? Пять лет — и ни слова. Я уж думал, ты немым стал.

— Чёрт, ты как заговорил, я чуть не подумал — тебя восемнадцатилетний ты подменил.

Сюй Сяочжэнь замолчал. В трубке — только дыхание. Его и его.

Лишь спустя время он переложил мясо на тарелку и, не глядя, тихо сказал:

— Терпимо.

С Гу Янем рядом — ему правда легче. Хотя бы не двойная боль. Не потеря любимого и ребёнка сразу.

Юань Нанань сказал ему ещё пару слов напоследок. Попросил — не замыкайся в нём одном.

На самом деле он был ничем не примечательным человеком. Останься он в 18-м секторе — и, может, вёл бы себе тихую жизнь. Но нет — эта псина оказался альфой из 1-го сектора. И с того момента всё перестало казаться простым. Всё шло к беде.

Но Сюй Сяочжэнь, только-только выкарабкавшийся из состояния, когда смерть казалась единственным выходом, начал, пусть и слабо, тянуться к жизни. И он подумал — может, если тот начнёт приходить в себя, это всё-таки не зря.

Юань Суосуо тоже позвонил — сказал пару слов поддержки. Сюй Сяочжэнь, как и всегда, отделался вежливыми отговорками.

Он поставил еду на стол, сел на стул и, опустив голову, стал точить напильником серебряный слиток. Молча, раз за разом.

Во всём огромном зале тускло горела лишь одна лампа над его головой, отбрасывая жёлтый свет на его худую фигуру. Он выглядел, как человек, полностью поглощённый тьмой.

Прошло много времени. Серебро стало гладким, с ровными краями — аккуратным, как раз по размеру кольца.

В этот момент вернулся Гу Янь.

Сюй Сяочжэнь тут же спрятал всё, встал и пошёл его встречать. Помог снять верхнюю одежду, повесил её на крючок.

Гу Янь наслаждался этим — быть балованным, быть в центре внимания. Сколько бы ни злился до этого, теперь, когда всё утихло, ему не хотелось больше себя мучить. В конце концов, ночью в постели было пусто и холодно.

Когда Сюй Сяочжэнь подошёл ближе, он обнял его за тонкую талию и наклонился, чтобы поцеловать.

Это был намёк: я тебе позволяю всё забыть, можешь радоваться, можешь быть ласковым. Если сейчас он уступит — Гу Янь будет доволен. Подарит пару карточек, купит дорогие вещи — и всё снова будет хорошо.

Но Сюй Сяочжэнь не мог. Не сейчас. Он чуть отвернулся, инстинктивно, и мягко взял Гу Яня за руку:

— Еда остывает. Давай сначала поедим?

Он меня оттолкнул?

Какое у него право — отказывать мне?

Гу Янь сжал его подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. Взгляд — хищный, резкий. Агрессия сквозила в каждом движении.

В этот момент зазвонил телефон — Чжоу Цзиншуо. Спасительный звонок. Гу Янь оттолкнул Сюя и, не оглядываясь, вышел из дома.

Сюй Сяочжэнь смотрел ему вслед, сжал виски — голова снова ныла. Внутри всё перемешалось: боль, обида, пустота.

Прошло всего несколько часов. Чжоу Цзиншуо снова позвонил, продиктовал адрес и сказал:

— Гу Янь там, с ума сходит. Забери его.

— С ним всё в порядке?

— А что с ним может случиться? — отозвался голос Чжоу Цзиншуо. — Его феромоны всех раздавили к чертям. Приезжай скорее!

Сюй Сяочжэнь вздохнул, положил трубку, надел куртку и вышел из дома.

<http://bllate.org/book/14462/1279153>